

Способ к распространению шелководства. Я. Юдицкого

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СПОСОБ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ШЕЛКОВОДСТВА. Я. Юдицкого. Москва. В губернской тип. 1839. В 8-ю д. л. 34 стр.

Странное дело! у нас многие нападают на то, что в учебных заведениях, в числе наук, не только находится русская словесность, но и еще считается одним из главнейших предметов учения. Мы никак не оправдываем этих нападок. Оставляя в стороне теорию красноречия и поэзии, и вообще всякую теорию, в низших учебных заведениях, после основательного и строгого изучения грамматики, полагаем даже полезным занимать учеников *практикою* языка, чтобы они умели ясно, вразумительно, кругло, приятно и *прилично* написать записку о присылке книги, приглашение на вечер, письмо к отцу, матери или другу о своих нуждах, чувствах, препровождении времени и прочих предметах, не выходящих из сферы их понятий и их жизни. Тут главное дело, чтобы приучить их к естественному, простому, но живому и правильному слогу, к легкости изложения мыслей и -- главное -- к сообразности с предметом сочинения. У нас, напротив, или приучали рассуждать детей о высоких или отвлеченных предметах, чуждых сферы их понятия, и тем заранее настроивали их к напыщенности, высокопарности, вычурности, к книжному, педантическому языку, -- или приучали их писать на пошлые темы, состоящие из общих мест, не заключающих в себе никакой мысли. И все это в темных педантических формах хрии (порядковой, превращенной, автонианской)¹ или риторического рассуждения в известных схоластических рамках. И какие же плоды этого учения? -- Бездушное резонерство, расплывающееся холодною и пресною водою общих мест или высокопарных риторических украшений. И потому ученик, образованный по старой системе, напишет вам рассуждение о том, что знает, а между тем не умеет написать записки, простого письма. Это похоже на человека, который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, а не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе. О господи, ужасная эта наука -- риторика! Блажен, кто мог стряхнуть с себя ее педантическую гниль и пыль, и горе тому, кто навсегда и поневоле остался щеголять в ее мишурной порфире, в ее бумажной короне на голове и с ее деревянным кинжалом! А между тем должно учить детей писать; но только в основу этого учения должно полагать грамматику, в ее *общем* значении, и тесное знакомство с духом родного языка, знакомство, приобретенное теориею и еще больше практикою. Что проще -- то и истиннее и труднее, и потому гораздо легче выучиться писать слогом Ломоносова или Хераскова (мы говорим о прозе), нежели слогом Карамзина, Батюшкова, Жуковского, так же как гораздо легче писать слогом Марлинского, нежели слогом Пушкина или Гоголя. Конечно, талант дается природою; но мы говорим о том, что можно, по силам каждого, приобрести учением; хорошая метода учения развивает талант, а дурная дает ему ложное направление. А куда же девалась наша риторика -- мы говорим только о грамматике? Неужели риторике должно исключить из предметов учения? -- Нисколько, но должно ввести ее в ее собственные пределы. Чтобы писать хорошо, надо запастись содержанием, а этого никакая риторика не даст, -- и та, которой до сих пор у нас учат, дает только губительную способность вариировать отвлеченную мысль общими местами и растягивать пустоту в бесконечность, другими словами -- пускать мыльные пузыри. Содержание дается целостностию образования и развития; умение владеть содержанием, то есть развивать его правильно, дает логика; риторика же не виновата ни в том, ни в другом. Обыкновенно у нас риторики начинаются изложением теории периодов; вот первое незаконное присвоение риторики чужого: теория периодов относится к синтаксису, что уже многие понимают. За теориею периодов следует теория *украшенного языка* -- троп, метафор, фигур: вот это действительно относится к содержанию риторики. Но и тут риторика совсем не должна учить *красно писать*, или сочинять, на заданные темы, тропы и фигуры, а только должна показать значение того и другого, как выражение известного состояния или известной настроенности духа пишущего. За теориею языка украшенного обыкновенно следует учение о хриях и рассуждениях -- это вон, как педантическую гниль и пыль, как гибель всего естественного, простого, как